

АБИССИНЕЦ 11

1890

Сергей Насоновский ◆ Сергей Щербатых

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский

Абиссинец 1890. Том 11

«Автор»
«Автор»
2026

Насоновский С.

Абиссинец 1890. Том 11 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году.Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились.Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века.Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории.Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ.Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов.

© Насоновский С., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не пройти мимо 5
Глава 2. Только мыла не хватало 12
Глава 3. Дальнейшие распоряжения 20
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых
Абиссинец 1890. Том 11

Глава 1. Не пройти мимо

В станицу возвращались медленно. Огородник объезжал колеи, но телегу все равно потряхивало, и Трофим придерживал раненое плечо здоровой рукой. Нина сидела у другого борта, вытянув больную ногу на свернутой попоне. Олег всю дорогу шел рядом.

Мишу я посадил перед собой на Беркута. Поначалу мальчишка еще вертелся, высматривая мать, а потом притих и привалился ко мне. Лиду взял к себе Никита. Елизавета Андреевна шла возле телеги, Сергей держался с отцом. Константин Павлович несколько раз останавливался, оглядываясь на дом, пока Семен не заговорил с ним о садках. Тут Веденеев принялся объяснять, что без присмотра оставлять их нельзя, и Рыжему пришлось напомнить, что у выселка остаются наши. Константин Павлович говорил, что завтра попробует вернуться, если Степан Анисимович дозволит.

Крестный оставил там Остапенко с десятком Завьялова. Сам же Макар вел в станицу двух пленных, а Моренченко поскакал вперед за подводой для раненого хунхуза. Отец Василий всю дорогу держался возле Трофима. Мы с Петром ехали по сторонам от Веденеевых, Кравцов — впереди.

В Лончаково мы сначала свернули к Юдинцеву. Роман Васильевич оставил Трофима у себя, осмотрел Нинину ногу и наложил повязку. Ходить ей пока запретил, так что к Кравцовым ее довезли на той же телеге.

У ворот нас ждали Саша, Пелагея Александровна, Илька с Анинэ и остальные гости. Едва Олег подошел, мать обняла его и крепко прижала к себе. Мы с Семеном помогли Нине сойти с телеги и внесли ее в дом. Елизавета Андреевна сразу пошла за дочерью, а Пелагея Александровна, отпустив сына, поспешила приготовить ей место.

Саша дождалась меня на крыльце. Я обнял ее, поцеловал.

— Тебя не задело?

— Цел я, Саш. Трофима вот в плечо ранило, он у Юдинцева остался. Нина ногу подвернула, да ты уже видела. Остальные целы.

Гости дожидались нас с обедом. Теперь, когда все вернулись и можно было расспросить самих Веденеевых, понемногу разговорились. Константин Павлович рассказывал, как подпирали дверь, Елизавета Андреевна — как пряталась с младшими в дальней комнате. Пелагея Александровна слушала, подкладывая нам еды, и то и дело поглядывала на сына.

Я ел и только теперь чувствовал, насколько сам устал. Семен тоже притих над своей миской. Илька спросил, сильно ли попортили дом, и кто остался у выселка. Я рассказал про дверь и ограду, объяснил, что там Остапенко с десятком Завьялова. За оставленные вещи Константин Павлович мог пока не тревожиться.

— Вот так второй день свадьбы и прошел, — вздохнула Пелагея Александровна. — Хотели молодых проводить как следует, а тут весь день ждем вас, места себе не находим.

Жаль было побратима с Анинэ. Завтра им уже уезжать, а сегодняшний день у всех ушел на тревоги.

Поели спокойно. Гости стали прощаться, помогли убрать со столов и разошлись по домам. К этому времени плотники Фомича уже закончили настил в Илькиной лодке. Анинэ с Аси собирали подарки и приданое к завтрашнему отъезду. Ночевать молодые оставались у нас.

Мы с Семеном отправились в правление.

Двоих пленных Завьялов уже посадил в холодную. Раненого хунхуза привезли позже и тоже доставили к Юдинцеву, приставив караул. С подводой передали, что девятерых убитых осмотрели, собрали вещи и похоронят в тайге.

Кравцов расспрашивал пленных по одному. Переводил Лешка Ли.

Переправились они прошлой ночью, выше Лончаково, у песчаной отмели. До утра прятались в лесу, потом пошли вдоль берега к выселку.

Отмелей там было несколько, пришлось расспросить подробнее. Пленный объяснил, с какой стороны обошли остров и где пристали. Лешка уточнил, далеко ли от острова до места высадки, и по этим приметам я узнал переход. Мы там бывали. Большую лодку к берегу подвести трудно, а на мелкой вполне можно пристать.

— Там у китайцев караул стоял, — сказал Кравцов. — Как вы проскочили?

Лешка перевел ответ, потом еще о чем-то спросил сам.

— Говорит, никого там нет. Раньше солдаты были, теперь пост пустой. И в других местах людей убавилось.

— Пустой пост он сам видел, а про другие откуда знает? — спросил я.

Выяснилось, что о соседних переходах пленный слышал от своих. Второй подтвердил и место, и время переправы. Солдат на берегу они не встретили.

Крестный велел увести хунхуза и подозвал Фрола.

— Повезешь рапорт в Козловскую. То заимки грабят, то до выселка вот добрались. Надо узнать, куда у китайцев караулы делись. Парамону скажи, пусть подойдет, депешу передадим через телеграф.

В пограничное комиссарство запрос ушел в тот же вечер. Троих хунхузов пока оставляли в Лончаково.

К этому времени в правление пришли Денис Иванович, Албазов и Завьялов. Крестный пригласил их к столу и сразу заговорил о подступах к станице.

— Промежутки между заплотами закрыть надо. Все курени связать между собой. Новые курени будем ставить в сторону выселка, когда переселенцы с Кубани прибудут. Только сначала землю осмотрим и с обществом решим.

— Между дворами проходы было бы неплохо оставить, — предложил я. — С дверями на запорах. Через них и к соседям на помощь попасть можно, и ребятишек вывести, не показываясь на улице.

— Здесь-то сделаем, — ответил Денис Павлович. — А Веденеевым как быть? От них до нас верхом сорок минут. Пока гонец доскачет, пока соберемся... Хорошо еще, разъезд поблизости оказался.

— Пока у выселка караул дежурить будет, — сказал Кравцов. — Там же мы пристань намечали. Между ним и станицей ту самую башню поставим, с пулеметом, да дополнительный пост.

Огородник назвал подходящее возвышение между станицей и выселком. Макар Маркович подтвердил: дорогу оттуда видно далеко.

— Денис Иванович, вы с Албазовым возьмите Силантия Фомича, — распорядился крестный. — Промеряйте спуск к воде, выберите площадку под разгрузку. Пристань этим летом зачинать надо, пока для железной дороги грузы не пошли. Землю и общие расходы на сходе обсудим. Денис Павлович, завтра твой десяток сменит людей Завьялова. Макар, послезавтра опять твоя очередь. А с завтрашнего займемся заплотами. Надо поскорее связать их промеж собою.

Домой я добрался затемно. Саша сказала, что Илька с женой уже час как ушли в комнату спать, но сама меня дождалась. Я рассказал ей, как Олег вынес Нину из леса и как отец Василий столкнул их за земляной выступ.

Про батюшку жена слушала с таким удивлением, что я невольно улыбнулся.

Утром мы с Семеном застали Фомича и Никиту у крайнего двора. Они занимались замерами, прикидывали, как возводить переходы.

Здесь нас нашли Лешка Ли с Василием Ван Цзу. К ним приходили знакомые лодочники с китайского берега. У одного хозяина хунхузы выгребли зерно, увели свиней и наказали готовить припасы к следующему приходу.

Василий заговорил быстро, сбиваясь с русского на китайский. Я не все разобрал, но Лешке переводить долго не пришлось.

— Боится он, Андрей. У него уже коней уводили, ты помнишь. Теперь за семью боится. На том берегу шаек много собирается.

— Пойдемте к Степану Анисимовичу. Ему это самому услышать надо.

Мы довели их до правления и оставили у крестного. Задерживаться уже было некогда: у причала ждали Илька с родными.

Побратим стоял в подаренной лодке и укладывал подарки. Киле и Анинэ помогали приносить с берега семейные богатства. Я придержал борт, пока Анинэ перебиралась на лавку. Саша подала ей последний узел и пожелала счастливой дороги.

— По Уссури пройдем, потом в нашу речку свернем, — сказал мне Киле. — Вы раньше доберетесь, у дома встретимся.

Винтовки лежали под рукой, вдоль борта. Возле жены Илька положил свою охотничью берданку, которую на всякий случай держал в гостевом доме. После вчерашнего нападения это уже никому не казалось лишней предосторожностью. За спиной у Ильки висел Кропачек.

Дорохин позвал нас к лошадям. Я поцеловал Сашу, попросил передать привет Веденеевым и пошел за Семеном. Пасса уже сидел в седле; Аси и Сайна ждали возле него. С родней возвращались Найга и Отон, оба с винтовками.

Петр шел впереди, Прохор с Моренченко ехали сзади. До гасяна добрались без приключений. Странно, что в этот раз навстречу нам не выскочили собаки. Перед гасяном мы с Рыжим спешились, отдали поводья Прохору и пошли вперед, будто предчувствуя беду.

Возле рыбных вешал показался человек с мешком на плече. Он нес его к реке, винтовка болталась за спиной. Следом шел другой, со связкой шкур. Оба были явно не гольды.

Я присел, придерживая ветки. Семен опустился рядом. У крайней фанзы стоял вооруженный хунхуз, а возле ограды жались женщины с детьми. Один мальчишка попытался отойти к дому, но его толкнули обратно.

Ниже, под крутым берегом, виднелись носы трех лодок. Туда уже сносили награбленное. Двое ломали дверь соседней фанзы, из другой выгнали женщину. Она побежала к детям, и стоявший у ограды ударил прикладом по жердям, заставляя ее остановиться.

Чужаков мы насчитали около пятнадцати. Сколько еще в домах, отсюда не разглядеть. Потом жителей стали подгонять к спуску, и я поспешил назад, оставив Семена наблюдать.

— В гасяне хунхузы. Человек пятнадцать, грабят. Жителей к реке гонят, внизу у них три лодки.

Пасса сразу подался вперед, и Петр загородил ему дорогу.

— Дед, с родней останьтесь тут. Мы людей к вам выводить будем. Прохор, отведи всех за поворот, коней придержите.

Старик схватился за чекмарь, но Аси уже подошла к нему и взяла повод. Найга с Отоном спешились и пошли с нами. Они знали, где можно пройти между дворами, не выходя на открытое место.

Я все думал об Ильке. Лодка могла появиться у гасяна в любую минуту, а предупредить побратима было некому. Посылать человека к реке в обход означало потерять время, да еще неизвестно, успеет ли он добраться до лодки первым. Пока будем искать ее, хунхузы уведут жителей. Медлить было нельзя.

Семен встретил нас у кустов. К лодкам уже стащили еще несколько мешков, однако в дальних фанзах по-прежнему хозяйничали чужие. Найга указал Моренченко проход вдоль крайней ограды. Тот ушел туда с Отоном, а мы с Петром и Рыжим стали подбираться к пленникам.

До угла оставалось шагов десять, когда из окна крикнули. Я рванулся к стене, и над плечом треснула жердь. Петр выстрелил на ходу, Семен занял место за толстым деревом и ударил по окну, давая нам время перебежать.

Женщина у ограды упала на колени, закрывая детей. Хунхуз, который их сторожил, повернул к нам винтовку, но Петр успел раньше. Стрелок ткнулся в жерди, а из соседнего двора тут же ответили. Я вжался в стену. Люди лежали всего в нескольких шагах, только высунуться к ним было нельзя: пули секли ограду на высоте пояса.

Справа затрещали выстрелы. Моренченко перебежал между двумя фанзами, и стрелок из соседнего двора перенес огонь на него. Над жердями показался рукав. Я вскинул винтовку и выстрелил, ствол манзы ударился о забор. Петр сразу перебрался к лежавшим людям, а Найга позвал меня к узкому проходу за домом.

— Сула там! — крикнул он, указывая на дверь.

Изнутри донесся вскрик. Я забросил винтовку за спину и достал револьвер. Семен уже добрался до угла и прикрывал нас, пока мы с Найгой шли между стеной и оградой.

Хунхуз попятился из двери, волоча перед собой Сулу. У охотника вся штанина была в крови, нога подламывалась. Нападавший держал его за ворот и прижимал нож к шее. Смотрел он во двор, где стрелял Петр, а я стоял за дверным косяком, совсем рядом.

Он отступил еще на шаг. Я приставил револьвер к его голове и нажал на спуск, вынося тому мозги. Хунхуз выпустил Сулу и рухнул у порога, выронив нож. Охотник осел рядом, хватаясь за стену.

Из окна напротив тут же ударили, и я пригнулся. Рыжий ответил из-за угла, прикрывая нас. Мы с Найгой подхватили Сулу и оттащили за дом. Он пытался помогать нам здоровой ногой, но раненая волочилась по земле, и пришлось почти нести его.

— Сядь ты, сейчас выведем, — сказал я, опуская его у стены.

Петр тем временем добрался до калитки. Отон помогал детям перебраться через поваленные жерди. Когда первые люди оказались за оградой, он с Найгой взялся за Сулу и повел их к Прохору. Найга вскоре вернулся. Оставалась женщина, которая звала ребенка из дома; Петр заглянул туда и вынес мальчишку.

Я сунулся в просвет между фанзами, но Семен рванул меня назад за ремень. В косяк тут же впилась пуля.

— Погодь, Андрей!

Он выстрелил из-за угла, заставив хунхуза скрыться за сараем. До следующей стены мы добрались уже вместе, пригнувшись под оградой. Теперь чужим приходилось отбиваться с двух сторон: справа на них наседал Моренченко, а Петр прошел вдоль освобожденного двора.

Шестеро выскочили из-за последней фанзы и побежали к спуску. Один бросил мешок, другой все еще тащил связку шкур. Мы с Семеном кинулись следом, но у самого берега залегли: снизу по нам открыли огонь.

Я убрал револьвер и снял винтовку с плеча. Первого беглеца достал на повороте тропы. Остальные скрылись под обрывом, где сверху их уже было не достать. Петр окликнул нас, велел смотреть лодки, а сам с Моренченко остался среди домов.

Я отполз к кустам, чтобы глянуть вдоль берега, и увидел Ильку.

Лодка только выходила из-за поворота. Побратим вскочил с лавки и схватил винтовку. Из-под обрыва выбежали двое хунхузов. Один добрался до своих лодок, а второй остановился и стал целить в сторону Ильки.

Я выстрелил, он метнулся и скрылся из виду. Киле налег на весло, отворачивая к галечной косе ниже спуска. Лодка проскребла днищем по камням и крепко села носом на мель. До укрытых под обрывом хунхузов оттуда было всего ничего.

Из лодки выстрелил Илька. Киле бросил весло и тоже взял винтовку. Теперь с косы можно было бить вдоль берега по укрывшимся под обрывом хунхузам.

Сначала манзы пытались отстреливаться от нас, но Илька бил им во фланг. Тогда двое повернулись к нему. Пули застучали по борту, из сундука брызнули щепки. Анинэ пригнулась, потом подняла двустволку и выстрелила в сторону лодок. Киле с побратимом успели выбраться на гальку и залегли за носом, Анинэ распласталась на дне лодки.

Хунхуз за кормой приподнялся, высматривая Ильку. Семен выстрелил, и тот повалился в воду. Другой ухватился за нос соседней лодки и потащил ее с берега. Я видел, как Илька прицелился, и почти сразу беглец упал. Освобожденный нос подхватило течением, лодку развернуло поперек остальных.

Еще один хунхуз, бросив все, кинулся по мелководью к косе. Я перевел на него ствол, но тут по прилетело, выбив фонтан земли у самой головы. Пришлось дернуться за кусты и поменять позицию. Рыжий выругался и принялся бить по тем двоим, что оставались под обрывом.

Когда я снова выглянул, беглец был уже возле молодых. Илька разворачивался к нему с винтовкой, Киле поднимался с гальки, а Анинэ встала в лодке на колени и повернула двустволку. Хунхуз успел сделать еще шаг, прежде чем она выстрелила. Он ткнулся коленями в камни и упал лицом в воду.

Я поймал на мушку того, кто прятался у дальней лодки, но он уже выбрасывал винтовку. Второй пополз следом, выставив перед собой пустые ладони.

— Лежать! Руки на виду!

Семен остался прикрывать, а я спустился к ним, отбросил оружие подальше и позвал Петра. Дорохин с Моренченко стали связывать пленных, а я поспешил к косе.

Илька уже забрался в лодку и присел перед Анинэ. Она держала двустволку поперек колен.

— Целы? — спросил я.

— Целы, — ответил побратим. — Помоги борт придержать, сядет она сейчас.

Я уперся ладонями в лодку, Илька забрал у жены оружие и усадил ее на лавку. Киле поднял из воды свалившееся весло. У сундука была пробита крышка, одна пуля прошла через лавку. Я посмотрел на Анинэ, на побратима, который был сосредоточен и напряжен, и только теперь смог выдохнуть.

К гасяну уже подходил Прохор с родней Ильки. Пасса, едва спешившись, пошел искать своих, Аси бросилась к Суле. Я сразу занялся раненым. Семен с Киле и Илькой вытаскивали лодку повыше, а родные Сулы принесли мне чистое полотно и воду. Анинэ помогала Аси, придерживала Суле ногу, пока я перевязывал рану.

Насчитали всего пятнадцать хунхузов. Тринадцать убитых и двое пленных. Дорохин с Моренченко обошли все дома, прежде чем позволили гольдам разойтись по дворам. Прохор запер хунхузов в пустом сарае, вернувшиеся охотники остались караулить.

Я помог Найге отнести Сулу к родным. В соседнем дворе женщины собирали рассыпанное зерно, выбирая из него щепки. У фанзы Пассы была сорвана дверь. Старик пробовал поставить ее обратно, но вырванная петля висела на расколотом косяке.

Я поддержал створку, пока он осматривал дерево.

— На свадьбу поехали, — сказал Пасса. — Не все ведь, оставались дома. Сулу вот оставили. А пришло их вон сколько.

Он указал чекмарем в сторону берега. Оттуда уносили убитых; хоронить их решили за гасяном, подальше от домов.

— Кравцову сегодня же весть пошлем, дедушка. Попросим охрану сюда поставить, как у Веденеевых. Пока смена не придет, мы с вами побудем.

Пасса помог мне прислонить дверь к стене и пошел к Суле. Я нашел Петра, и мы вместе составили донесение, указали, что гасян без охраны оставлять нельзя. Моренченко с Найгой выехали в станицу еще засветло.

К вечеру с убитыми закончили, по дворам снова зажглись огни. Анинэ позвала нас пить чай. Сундук с пробитой крышкой уже стоял у стены Илькиного дома, приданое разложили. Пасса сел рядом с внуком, я устроился с другой стороны. Семен пришел позже: помогал Прохору у сарая. За ним заглянула Сайна, принесла хлеб и села к женщинам у окна.

Восемнадцатого июля, к полудню, Моренченко с Найгой привели Минюхина с казаками. Они приняли охрану гасяна. Пленных предстояло позже отправить в Лончаково, пока же они оставались в сарае.

Илька довел меня до коней. Анинэ вышла с ним, уже в рабочем халате, с подвернутыми рукавами. Дома им дел хватало: и ограду подправить, и дверь Пассе навесить заново, и со своим хозяйством разобраться.

— В станицу весть передай, как устроитесь, — попросил я побратима.

— Передам. Вы там тоже берегитесь.

Я обнял его, попрощался с Анинэ и сел на Беркута. Вместе с нами возвращались Семен, Петр Дорохин, Прохор Мельников и Саня Моренченко.

Моренченко рассказал, что крестный вчера, получив наше донесение, поднял всех реестровых: часть оставили охранять станицу и посты, остальных с рассвета отправили прочесывать берег и лес вокруг заимок. Ищут следы, проверяют тропы и места, где хунхузы могли пристать к берегу.

— В соседние станицы тоже вестовых отправил, — добавил Сашка. — Предупредить о нападении. Если еще какая шайка переправилась, искать ее надо, пока до следующей заимки не добралась.

В Лончаково Албазов передал, что меня ждет крестный.

Я сперва зашел домой. Саша встретила меня у двери, обняла, а потом сразу стала расспрашивать об Ильке. Моренченко вчера рассказал ей о нападении, и теперь ей хотелось самой услышать, как там молодые. За обедом она передала новости о Веденеевых: Константин Павлович уже собрался возвращаться к садкам.

После обеда я отправился в правление. Кравцов дал прочитать ответ пограничного комиссарства. Сведения пока были предварительные: у китайцев на другом участке обострилось положение, туда перебросили часть солдат. Некоторые здешние посты опустели, в других убавили караулы.

Вот, значит, откуда взялась эта вольница. Хунхузам теперь и на своем берегу никто особо не мешал, а до нашего недолго перебраться. Мы же уже растащили людей по станице, выселку и гасяну. Если они полезут еще где-нибудь, придется снимать казаков с кордонов.

Крестный диктовал Парамону, что внести в приказ.

— По реке дозоры теперь будут ходить чаще, на постах велел осматривать всех прибывших на лодках. Завтра с Бирюковым тоже пройдете берегом. Возьмите с собой Якова Антонова и Тихона Кирсанова. Начните от той отмели, что пленные показали, и дальше проверьте. Может, еще где следы найдете. Лодочники ведь не об одном переходе говорят.

— А сегодня отдыхайте. Дома побудь, Андрей.

Я вернулся к Саше и до вечера никуда больше не выходил. Рыжий заглянул условиться о выезде. В предрассветных сумерках мы с Семеном, Антоновым и Кирсановым уже были в седлах.

Уссури еще темнела, но противоположный берег понемногу проглядывался. Мы оставили коней в лесу и спустились к воде. Отсюда хорошо просматривался выход к отмели. Анто-

нов залег правее, Кирсанов остался чуть позади, наблюдая за подходом от леса. Я лег за кустами, достал зрительную половинку бинокля. Семен устроился рядом с винчестером.

Первыми из леса вышли китайские солдаты. Шли не спеша, растянувшись вдоль деревьев. Передний уже спустился на открытое место, когда позади остальных я заметил еще человека.

Он остановился у ствола и поднял оружие.

— Рыжий, там за дозором...

Между деревьями вспыхнуло сразу в нескольких местах. Первый солдат упал у воды, второй осел возле кустов. Третий развернулся к лесу, успел вскинуть винтовку, но его тут же опрокинуло навзничь. Только после этого до нас докатился звук выстрелов.

Один из двух оставшихся побежал вдоль берега. Я видел, как он припустил, пригнувшись, потом споткнулся, упал и покатился к воде. Последний скрылся за кустом. Там выстрелили еще раз, и вскоре из леса вышли нападавшие.

Семен подвинулся, заглядывая в просвет рядом со мной.

— Всех положили?

— Четверых видел. Пятый за кустом был.

Из-за того самого куста двое вытащили тело. Стали собирать винтовки, убитых потащили к реке. Первого столкнули с берега, следом второго...

К стрелявшим подходили новые вооруженные люди. Я насчитал около тридцати — по одежде и оружию должно быть хунхузы. Часть из них спустилась к самой воде и задержались там, где только что сбрасывали в воду Уссури солдат. Остальные ждали возле деревьев.

Глава 2. Только мыла не хватало

Я отполз от куста к Антонову.

— Яков, давай к Кравцову. Передай, что китайский дозор перебили, всех пятерых. Хунхузов около тридцати, пока на своем берегу. Мы останемся ждать смену.

Антонов ушел к лошадям, а я снова залег возле Семена. Двое хунхузов собирали у воды солдатские винтовки, остальные отходили к деревьям. За поворотом берег скрывался; лодка могла выйти оттуда раньше, чем мы заметим приготовившихся к переправе людей.

Рыжий тоже приглядывался к излучине, но ему мешали ветки.

— Под иву перейду, оттуда поворот видно, — сказал он и отполз левее.

Я остался смотреть за хунхузами. Убитых солдат уже сбросили в реку, оружие унесли, а сами они расположились на берегу, будто на привал встали. Один снял шапку и умывался, плеская воду себе на голову. Еще двое присели возле него на песок. Появления новых солдат они, похоже, не боялись.

В станице сейчас выходили на работы. На покосах казаки разойдутся по своим участкам, у кого-то на подводе одни ребятишки останутся. Хорошо бы Яков успел до того, как люди разъедутся.

Солнце поднялось над лесом. От долгого лежания затекла нога, пришлось осторожно перевернуться на бок. Семен наблюдал за поворотом, Тихон оставался позади, у подхода с леса. К полудню возле воды сидели уже четверо. Куда делись остальные, мы не видели: деревья закрывали часть берега.

Сменить нас пришли Петр Дорохин, Прохор и Моренченко. Петр лег рядом, я показал ему четверых у воды и место, где хунхузы уходили в лес.

— Лодок за все время не было. Смотри еще за излучиной, оттуда выйти могут.

Прохор устроился возле Петра, Саня сменил Кирсанова. Только после этого мы с Рыжим и Тихоном поднялись и двинули к лошадям.

В правлении нас ждали. Яков успел рассказать о нападении, и крестный уточнил только, осталась ли шайка у реки.

— У воды четверых оставили, прочие в лес ушли. Петр наблюдает за ними.

Кравцов придвинул ко мне известие из Козловской.

— Возле Покровского опять вооруженных видели. По заготовительной заимке стреляли, с другой работники к ночи ушли. Про ту пока неясно, были там хунхузы или люди со страху побросали работу.

Он подозвал Парамона, велел передать Павлу Андреевичу Берестову сообщение для комиссарства об убитых китайских солдатах. Еще вчера нам объясняли, куда делась часть караулов. А сегодня у нас на глазах уничтожили целый дозор.

— На дальние работы людей посылать будем после осмотра, — продолжил крестный. — Тех, кто уже ушел, проверить надо. Ты, Андрей, зайди к Фомичу: пусть кого сможет с работ снимает, на пост и заплоты ставит. После с учебной командой разберемся. Где лес поднести, где землю покопать, тоже будут помогать, чтобы плотникам сподручнее было. И завтра после полудня дорогу к покосам осмотреть надо. Наши там сейчас сено возят, надо потолковать, как выезды устроить.

Семен дожидался меня на крыльце.

— Пойдем к Фомичу, — сказал я. — Кажись, нашим стройкам опять подвигаться придется.

Плотника мы нашли у Семенова куреня. Сруб уже подняли, наверху укладывали жерди под кровлю. Рыжий задрал голову и сразу повеселел.

— Вот, Андрей, теперь и на дом похоже. Еще крышу накрыть, там хоть дождь переждать можно будет.

Только радовался он недолго. Выслушав поручение крестного, Силантий Фомич сказал, что придется снимать людей и отсюда.

— Погоди снимать, — возразил Семен. — Может, хотя бы крышу доделайте. Стены мне потом мокнуть будут, пока вы башню рубите? Я так-то из амбара до осени выбраться надеюсь.

— Всю артель здесь оставлю, как заплоты делать?

— Двоих оставь. Сам с ними полезу, подать да придержать сумею. Все остальное по дому уж подожду.

Фомич согласился дать ему еще день. Рыжий тут же полез наверх, пока плотник не передумал, а мы направились к школе.

Моя конюшня оставалась почти в том же виде, что и до отъезда: лежни да нижний венец. Сто двадцать рублей Саша отложила, место под три денника и отделение для корма и сбруи разметили, теперь бы еще людей найти. Я спросил Фомича, получится ли у него между общими работами хоть по нескольку венцов класть.

— Если лес у тебя не заберем, — ответил он. — Пост-то тоже из чего-то рубить надо.

Иван Викторович сидел у школьного окна, проверял ученические листки. Проход занимали заготовки для лавок. Зыбко выслушал Фомича и постучал пером по столу.

— Мне бы одну комнату закончить, Силантий Фомич. Лавки поставить, доски убрать, чтобы к ученикам подходить можно было. Тогда сюда ребят переведу. А после уж за мой дом возьметесь. Или я возле собственной школы так до зимы по чужим углам и проживу?

— Послезавтра двое с кровли освободятся, пришлю. С классом закончат и вам нижние венцы положат. Лес ведь уже свезли.

— Тогда жду с утра.

К вечеру я забрал дома «Фортификацию» с атласом и принес в правление. Крестный позвал Албазова, Фомич пришел следом.

На отдельном листе я набросал башню с оградой. С высокой площадки дорогу будет хорошо видно, но лесом к нам тоже могут подойти. Значит, людям внизу требовалось укрытие, из которого можно стрелять в разные стороны, а не одни столбы над головой.

— Вот здесь караулу место оставим. — Я обвел низ башни. — С оградой, чтобы сразу от дороги до леса не простреливалось. И вход отсюда.

Фомич придвинул рисунок.

— Снизу начать можно. Только с верхом тоже разберитесь, как там что устроено будет. Лес привезти, окорить, подогнать. За один день такое не соберешь.

— Никто тебя не гонит кое-как делать, — ответил Кравцов. — Начинайте с ограды и укрытия. Людей поставим, как будет за чем держаться. Башню после поднимете.

— Тогда и «Максим» пока здесь оставляем, — сказал Палыч. — Наверху ему еще места нет.

— Пока в станице побудет. А у поста секреты выставим, места под них завтра осмотришь.

Фомич стал считать лес. Приготовленного не хватало, а подвоз нового еще и отвлекал казаков от караулов. Я вспомнил сложенные у себя бревна.

— Часть с моей конюшни возьмите. Только мне потом такой же привезите, а то ведь до снега так с одним венцом и останусь.

— Возместим, Андрей, — пообещал крестный. — Пристань пока сюда не впутываем. У Веденеевых караул оставляем. Фомич, людей на проходы между дворами тоже оставь. Денис Павлович, подвоз леса проконтролируй.

Из правления я зашел к Кравцовым. Хотел предупредить Олега о завтрашних занятиях, чтобы пришел с мишенями помочь, а во дворе застал еще и Дарью Матвеевну, маму Кирьки.

Она вернулась в станицу со своими вещами и теперь с Пелагеей Александровной осматривала летнюю кухню.

— Доброго здоровья, Андрей Васильевич, — поздоровалась она. — А мы вот место мне присматриваем.

— Устроились с дороги?

— Устроилась. Добро свое забрала, теперь уж здесь останусь. Я там прежде подрабатывала, при мыловарне. И сейчас, пока катер ждала, хозяйка меня позвала помочь. Вот и думаю, можно было бы и здесь понемногу варить. Сперва для стирки, а если людям понравится, заказывать станут.

Тетка Поля показала на очаг у дальней стены.

— Котел сюда поставим. Только пищу здесь в это время готовить не будем, я в доме справлюсь. Для мыла у нас свой котел есть, летом иной раз сами варим. Тебе нужен — пользуйся.

Дарья заглянула внутрь, примерилась к месту перед очагом.

— Здесь хорошо. И двери широкие, и под навесом все поставить можно. Щелок только с вечера приготовить надо. Зола у вас найдется?

— Золы хватит, — ответила тетка Поля. — Пойдем, покажу, где что лежит. Ты сперва нашу варку помоги сделать, после уж о своей сговоримся.

Олег стоял возле двери с пустой кадкой и слушал. Как только женщины ушли за кухню, он повернулся ко мне.

— Завтра с утра воду носить будем. Матушке сказал, что после занятий тебя в помощь позову.

— Ты уж и за меня договорился. Смышленый братец у меня.

— Ты мне с лодкой помогал, я тебе с конюшней помогу. А воду как — сами женщины потащат, если нас не будет?

Я назвал время сбора и пошел домой. Про мыловарение Саша уже знала: тетка Поля успела ее тоже пригласить на эти работы.

— После занятий зайдешь за мной, — сказала жена. — И сапоги на пороге оставь, я только пол вымыла.

На следующее утро к шести мы с Александром Меренским уже были на площадке. Семен с рассвета ушел к плотникам. Олег помог выставить учебное имущество, а к семи мы должны были передать команду крестному.

Тихон Кирсанов зевнул так, что едва челюсть не свело.

— Допоздна вчера сено возили, — объяснил он, заметив мой взгляд.

— Сейчас повторим шагистику.

Час мы опять учились ходить строем.

Кравцов пришел к семи и занялся сбором по тревоге. Яков быстро вывел коня из ряда, придержал соседнего, пока Кирсанов поправлял повод. Уже не толкались, как в первые дни. В девять занятия закончили, и Тихон, едва расседлав коня, направился к своим на покос. Остальных крестный направил в помощь плотникам.

Дома Саша показала мне первый урожай огурцов из привезенных мною семян. Сорвала один, обтерла о подол и протянула. Я откусил, огурец хрустнул на зубах.

— Ну как?

— Еще один давай.

— Не, пока этим обойдешься. А тот пяток спелых к обеду возьмем, тетку Полю угостить. Мелкие пока не трогай, они еще не дозрели.

Она сама собрала огурчики и лук, а я полил грядку, пока жена переодевалась. За калиткой ждал Олег. Увидев корзинку, брат приободрился:

— Матушка накормить обещала. А то нас сразу к бочке поставят, а мы, почитай, с утра на ногах.

В летней кухне на очаге стоял пузатый котел, над ним поднимался пар. Дарья Матвеевна мешала длинной деревянной лопаткой, а Пелагея Александровна поддерживала огонь. Нюрка заняла стол под навесом. Там лежали завернутые в холстину куски жира, рядом стояли весы и глиняная посуда.

Акулина Никитична встретила нас возле зольника. Деревянную кадку подняли на подставки, под ней стояло ведро. Из небольшого отверстия в него стекала темноватая жидкость.

— Наконец-то пришли. Андрей, с Олегом воду сюда принесите. Пустую кадку у сарая возьмите, поставите возле кухни. За обручи только не дергайте.

Мы отнесли ее к колодцу, налили до половины. На поворотах приходилось приноровиться друг к другу, чтобы вода через край не плескалась.

— Сашенька, ты лучше жир разверни, — попросила Дарья Матвеевна. — Что помельче, сюда подай, крупное Нюра нарежет. А с водой у нас помощники есть.

Я поставил кадку и выпрямился, а Олег пошел за следующим ведром.

— Это столько мыла выйдет? — спросил я, глядя на котел.

— Погоди ты его делить, — отозвалась Пелагея. — Оно еще не сварилось. С утра топим.

Дарья подняла лопатку. На широкой части остался жирный след.

— Пока вот так. Его и дальше варить надо, щелок понемногу подливать. Я вчера зольник заложила, к утру приготовился.

Под навесом она показала мне верх кадки. На донышке под золой лежала выстилка, чтобы крупный сор не шел в посуду. Золу с известью Дарья приготовила заранее и пролила водой. Теперь жидкость собирали отдельно, а из принесенной нами кадки брали чистую воду для дальнейшей работы.

Я сменил Дарью у котла. Она показала, как вести лопатку вдоль дна, не гоня горячую жижу через край, и вышла к Саше.

— Давно этим промышляете? — спросил я.

— Для дома и прежде варила, только понемногу. А там у хозяйки работа знакомая: жир приготовить, золу просеять, за котлом постоять. Плата невелика, зато за несколько дней на дорогу прибавилось. Она мне рассказала, как торговлю мылом вести. Одни готовое покупают, другие свое сырье приносят и за работу платят. Мне ведь для начала много не надо. Котел есть где поставить, руки есть, а стирка и здесь найдется, да в храме чистоту тоже держать нужно.

Пелагея кивнула на подготовленные свертки.

— Это нам пойдет. У тебя еще есть сырье?

— Есть немного. В гостевой дом ходила, там жир не выбрасывают, мне отложить обещали. Сколько годного будет, после скажу. А это я доварю, как условились.

От очага припекало, пот выступил у висков.

Олег присел и вытащил кочергой лишнюю головешку. Дарья велела убавить огонь. Брат отодвинул полено, а я продолжил мешать, провожая лопатку по кругу. Минут через десять уже захотелось передать ее кому-нибудь другому.

— Олег, смени. Я тебе воды еще наберу.

— Как раз ведра таскать надоело, — признался он. — Давай поменяемся.

Он занял мое место, а я выбрался из кухни. Под навесом было прохладнее. Саша сидела возле Нюрки и разбирала мелкую посуду; Дарья выбирала, в чем удобнее отмерять добавки. Возле нее Акулина Никитична очищала деревянный ящик, в который собирались потом выложить мыло.

Нюрка передала Саше остаток жира и засобиралась на покос: Петр с утра был там. Уходя, пообещала заглянуть вечером, посмотреть на готовую варку.

Мы с Олегом успели еще раз сменить друг друга у котла. Дарья подливала приготовленные смеси, проверяла, как идет варка, то велела подбросить дров, то отгрести жар. За это время жир перестал лежать сверху отдельным слоем, содержимое стало гуще и тяжелее сходило с лопатки.

Саша позвала нас к двери. Тетка Поля принесла из дома хлеб и отварное мясо, жена разрезала огурцы. Пока мы с Олегом ели под навесом, женщины дали передышку друг другу и разговорились о том, что еще к осени нужно приготовить.

— А ты, Сашенька, полотно-то перебрала? — спросила Пелагея. — Потом тяжелее будет за шитье садиться.

— Перебрала. Мы к началу ноября ждем, еще три с небольшим месяца есть.

Я разломил хлеб и протянул жене большую половину.

— Хватит полотна? Если еще покупать, скажи заранее.

— На первое время хватит. Мы с Пелагеей Александровной посмотрим, что на рубашечки пустить, что на пеленки. Ты лучше с дровами до дождей разберись.

Условились, что в ближайшие дни привезу еще воз. Обрезки у ворот я уже сдвинул, но во дворе хватало и щепы, и оставшихся чурбаков. Заодно и двор уберу.

— Он у тебя с какой стороны больше шевелится? — спросила тетка Поля.

— Слева чаще. Вчера вечером прямо толкался.

— Значит, девочка будет.

Акулина Никитична посмотрела, как Саша потянулась за вторым куском хлеба.

— Девочка, скажешь тоже. Вон как ест, ничего не перебирает. Парень там, он своего требует.

— Это я своего требую, — возразила жена. — С утра на ногах. А если еще кусок возьму, вы мне двойню насчитаете?

Я рассмеялся. Тетка Поля махнула на нас рукой, а бабушка подвинула к Саше хлеб.

— Ты ешь, на здоровье. До ноября времени гадать еще достаточно.

От котла позвала Дарья. Олег поднялся первым, взял кусок мяса и сунул в рот по дороге. Я допил воду, помог убрать еду. Дарья всыпала в котел соль, затем снова занялась варкой.

Я уже посматривал на солнце. К покосам надо было выезжать после полудня, и Дарья заметила, что я тороплюсь.

— Езжайте, Андрей. Здесь и без вас управимся. Воду принесли, с котлом помогли. Остальное до вечера доведем.

— Я вернусь. Если что тяжелое переставить надо, Олег за мной придет.

— Найду, — отозвался брат. — Ты только совсем не пропадай.

Саша осталась с женщинами, а я сходил за Беркутом и отправился к покосам.

Петр Дорохин точил косу оселком возле телеги. Нюрка уже работала граблями, Слава Трофимов с младшими собирал подсохшее сено в валки. Неподалеку стояла нагруженная подвода.

— Еще раз обернуться бы успеть, — сказал Петр. — Завтра неизвестно, что с погодой будет.

— На этой кобыле? — Нюрка прислонила грабли к колесу. — Ты ей передохнуть дай. С утра третий воз тащит.

Слава предложил прислать свежую лошадь, когда отвезем эту партию. Я прошел с ними к выезду. Телеги направляли в объезд основной дороги.

На повороте колесо глубоко продавило колею. Петр остановил кобылу. Мы со Славой подложили в выбоину сучьев, подсыпали земли, и нагруженная телега перевалилась через это место. На завтра бы еще подправить, пока дорога не подсохла.

Мы с Дорохиным прошлись вдоль луга, показывая участки. У одного хозяина подводы готовы, а сено сырое, другой ждет свежую лошадь, третий собирается к вечеру, когда закончит на своем покосе. На всех разъездов не хватит, а люди торопятся, погода не ждет.

— Давайте общий вывоз устроим, — предложил я. — После занятий обозом выходить будем, к шести возвращаться. Заодно всех и проводим.

— А дальнее сено? — спросил Слава.

Петр глянул на небо.

— То, что готово, сейчас довезем. За остальным еще раз обернуться надо. Ты, Андрей, с атаманом сговорись, когда охрану дадут. Мы пока к вывозу приготовим.

В станице Кравцов согласился с общим вывозом, нас с Семеном назначил сопровождать обоз двадцать второго: завтра предстояло вести смену в гасян и привезти пленных. Парамон записал поручение и время сбора подвод.

К вечеру Олег нашел меня у конюшни. Дарья Матвеевна закончила варку, теперь требовалось помочь с котлом. Саша еще оставалась у Кравцовых, и я вернулся вместе с братом.

В кухне стало тише: огонь затушили, двери раскрыли. Дарья уже выбирала густое мыло широким ковшом, давала жидкости стечь и выкладывала в приготовленный ящик. Мы с Олегом держали его на скамье. Дарья ровняла верх лопаткой.

— Ящик под навес, к стене ставьте, — распорядилась Дарья. — И пока не трогайте, пусть остывает. Завтра посмотрим результат ваших трудов.

Котел опорожнили не до конца. Остаток Дарья собиралась разобрать отдельно.

— Кирилл-то видел? — спросил я Дарью.

— Видел. С Осипом приходили, по мелочи тут помогали, но больше мешались. Завтра придут смотреть, как разрезать будем.

Дарья вытерла лоб краем платка и вернулась прибирать кухню. Олег остался ей помогать, а мы с Сашей пошли домой. У калитки жена остановила меня, велела вытянуть руки, осмотрела рукава и отряхнула высохшие брызги. В дом пустила, только когда я вымылся.

— Вот тебе и мыло, — сказал я. — Целый день делали, а моемся старым.

— Не пропадет твой труд. Дарья обещала хороший кусок отложить.

Двадцать первого июля мы с Семеном и Моренченко отправились в гасян со сменой караула. Минюхин принял прибывших и остался там, а я с Рыжим зашел к Ильке.

Ограду побратим уже поправил, у Пассы снова висела дверь. Сундук стоял у стены с открытой крышкой; новую доску на замену простреленной к нему Илька приготовил, но еще не приладил. Анинэ вынесла нам чаю, позвала мужа умыться.

— Как Сула? — спросил я, когда побратим вернулся.

— Лежит еще. Сам идти пробовал, да нога не держит. Найга к нему ходит, помогает.

У побратима мы задержались ненадолго. Анинэ убрала чашки и напомнила Ильке про крышку сундука. Я пообещал еще заехать и пошел к коням.

К нашему отъезду Минюхин вывел двоих пленных из сарая и передал Моренченко под конвой. В Лончаково их посадили в холодную к прежним пленным. Теперь там находилось четверо, а пятый, раненый на выселке, оставался у Юдинцева под присмотром.

После полудня, когда мы с Семеном зашли в правление, Берестов принес известие из Козловской. Крестный прочел первые строки и позвал нас к столу.

— На Васильевский напали. Вчера, днем.

Я придвинул стул. Васильевский стоял у устья Бикина, в нашем округе.

— Сколько их было? — спросил Семен.

— По словам видевших, человек тридцать пять, может, сорок. Часть казаков на покосах была, в поселке людей оставалось мало.

Хунхузы ворвались в крайние дворы, захватили жителей, вывели лошадей. В соседних куренях успели закрыться и открыли огонь. Дальше туда шайка не полезла, погнала захваченных к реке. Одного казака разыскали на лугу без сознания, но живым. Жену у него увели.

— Сколько людей захватили, известно?

— Несколько человек. Точного числа еще нет. Кого у соседей нашли, кто сам выбрался, сейчас проверяют по дворам.

— Переправились уже?

— Видели, как пленных к Уссури погнали. Что дальше, не сообщают.

Крестный передал лист Парамону.

— Запроси, где в последний раз ту шайку видели и кто идет по следу. Какие люди пропали, есть ли дети. Отдельно пусть скажут, кому помощь нужна, сколько подвод требуется, нет ли раненых без ухода.

Семен сидел рядом, упершись ладонями в колени.

— У меня возле дома еще весь двор открыт. Крышу-то закрыли, а сбоку хоть с телегой въезжай.

— До твоего двора тоже дойдем, — сказал крестный. — Сейчас проходы у крайних куреней в первую очередь. И домой через пустырь по одному больше не ездите.

Он велел отправить Фрола с Моренченко предупредить соседей и хозяев на дальних работах: одиночных выездов больше не будет, о задержке с возвращением сразу сообщать в правление. Я предложил проверить, не ушли ли за последним сеном те, с кем вчера договаривались. Кравцов послал Кирсанова к месту сбора подвод. До вечера оставалось время, можно было успеть встретить людей на дороге.

Я вышел на крыльцо, пока Парамон составлял запрос. Семен последовал за мной, остановился возле перил.

— Опять за реку уведут, потом ищи, — сказал он. — Там на лодку посадить и все, ты с нашего берега хоть обкричись.

— Узнают, где переправлялись, может, след подхватят.

— Пока подхватят... У нас хоть разъезд близко был. А этим, кому кричать?

К вечеру пришло распоряжение по округу: из Камня-Рыболова выступила казачья сотня под командованием Овсянникова. Ее направили в рейд.

Парамон прочел бумагу вслух. Семен сразу заговорил бодрее:

— Ну, с сотней уже можно эту сволочь погонять. А то везде десятками затыкаемся.

— Только у каждого поселка сотню не поставишь, — сказал Кравцов. — Им большой участок поручен. Когда к нам подойдут, еще неизвестно. Здесь делаем все, о чем договорились.

В распоряжении упоминалась и попытка нападения на прииск в другом районе края. Крестный велел передать Овсянникову последние сведения.

Фомичу оставили работы на посту, Албазову — проходы между дворами. Мы с Семеном должны были назавтра после занятий проводить подводы к покосам и вернуться с сеном. Я попросил Парамона сразу предупредить тех, кто привык выезжать раньше других: утром будем ждать у одних ворот, а не собирать людей по лугу.

Ночью, проверяя береговой караул, мы с Семеном вышли к реке. Никита уже наблюдал из-за прибрежных кустов, Яков устроился чуть дальше, где лучше просматривался поворот.

На противоположной стороне двигались три огня. Один спустился к воде, еще два задержались выше. Потом они сошлись, на песке обозначились человеческие фигуры.

— Совсем не таятся, — сказал Рыжий. — Ходят, как у себя дома.

Я подозвал Антонова.

— Яков, к Кравцову доберись. Передай: на китайском берегу люди с факелами, к воде спускаются.

Антонов ушел в станицу. Один факел подняли над головой, потом снова опустили. Дальше по берегу было темно, и даже шедших рядом с огнем людей деревья то и дело скрывали.

К воде подошли Лешка Ли и Слава Трофимов. Семен остановил их, не пуская на открытый берег.

— Возвращайтесь к домам. Здесь смотреть есть кому.

Я попросил Лешку предупредить тех, кого встретит по дороге.

Яков вернулся, когда огни на том берегу снова разошлись.

— Доложил, Андрей. Степан Анисимович велел нам до смены здесь оставаться. На подходе десяток Албазова.

Глава 3. Дальнейшие распоряжения

Через четверть часа подошел десяток Албазова. Палыч спустился к нам, выслушал и отправил своих вдоль берега. Вслед за ним прибыли Кравцов с Огородником. Денис Иванович спешился на тропе, опираясь на чекмарь. Мы с Семеном подошли к нему, оставив Никиту и Якова наблюдать.

За рекой люди то и дело выходили к воде. Одни задерживались на песке, другие уходили к лесу, а им навстречу уже спускались новые. Похоже, их там прибавилось. Только в темноте не разберешь, сколько еще стоит за деревьями.

— Даже факелы не гасят, — сказал Семен. — Сами себя освещают. Что, не боятся уже?

— Может, того и добиваются, чтобы мы за ними наблюдение вели, — ответил Кравцов. — Заимки тронули, на Васильевский налетели, теперь здесь маячат. Соберем всех к этому спуску, а ударят в другом месте.

— Было уж такое, Степан, — сказал Огородник. — Несколько лет назад против нашего берега тоже показывались. То лодка выйдет, то с оружием к воде сойдут. Мы людей сюда стянули, ждали переправы. А потом на Венюково большой набег случился. Пока разобрались, они там уже хозяйничали.

Я вспомнил прошлый год. Тогда и на Лончаково, и на Венюково напали, в Козловской тоже бой был. Хабаровская сотня к нам с трудом пробилась, сама под выстрелы попала. Кто с нашего берега только здешние лодки видел, мог решить, что вся шайка перед ним.

— А может, они сразу с нескольких сторон заходить собираются, — сказал я. — Здесь показываются, а выше по реке может другая шайка сидеть. В одном месте переправу начнут, в другом по лесу подойдут. На первый шум людей стянем, а остальные подходы оголим.

— И вернуться не поспеем, — добавил Палыч. — Разъезд отправишь, а он уже за несколько верст от станицы будет, когда здесь полезут.

— Потому караулы у выселка и в гасяне не трогаем, — сказал Кравцов. — И за лесом смотреть продолжим. Денис Павлович, здесь людей добавь, но весь десяток у воды не сажай. Часть при правлении оставь, чтобы по тревоге сразу выступить могли.

— А китайские солдаты где? — спросил я. — Часть увели, это нам сообщили. Только дозор их позавчера перебили, а сюда никто не пришел. Хунхузы у всех на виду ходят. За своих убитых хоть спросить должны были.

— Если есть кому спрашивать, — отозвался Огородник. — Раньше от поста до поста весть передавали. А коли и передавать некому, до начальства еще дойти надо.

— Может, они знают, что солдат здесь не будет, — сказал Семен. — Иначе так вольготно не сидели бы.

— Через комиссарство еще раз запросим, — ответил крестный, — кто на этом участке остался и когда караулы вернут. А дозоры завтра проверят и верхние спуски. Фролу велю соседей предупредить.

Албазов стал распределять прибывших. Мы с крестным и Огородником пошли к станице.

После утренних занятий я пришел к правлению и застал Варвару Степановну возле запряженных подвод. Петр собирал работников. Кирька держал грабли, Оська уже забрался на телегу. От недосыпа побаливала голова, а здесь гомон стоял такой, что слышно было от самых ворот моего куреня.

Кравцов, едва вышел на крыльцо, остановил сорванцов.

— Мальцов в станице оставить. На покосе им сейчас делать нечего. Варвара Степановна, уводи их домой.

Оська слез с телеги. Варвара забрала у Кирьки грабли и повела мальчишек обратно. Крестный подозвал нас с Дорохиным.

— Петр, сегодня работа только на ближнем участке. Всех собери вместе, по отдельным покосам не расходиться. Андрей, за охрану отвечаешь. С тобой Бирюков, Мельников и Моренченко. Прежде дорогу и луг осмотрите, потом работников выводите.

Он повернулся к ожидавшим у подвод.

— Без караула никто не идет. И обратно поодиночке не возвращаться. Если кому раньше домой понадобится, скажете Громову. По тревоге всем к возам, никого по лугу искать не должны. К шести чтобы в станице были.

Прохор с Моренченко выехали первыми. Мы с Семеном остались при подводах. Только когда разъезд вернулся и доложил, что дорога и подходы к лугу свободны, вывели обоз.

На покосе Прохор занял место у опушки, Моренченко остался возле дороги. Мы с Рыжим держались по сторонам от работников. Нюрка со Славой Трофимовым ворошили сено, Петр готовил возы. Нижние слои еще не просохли, пришлось ждать с погрузкой.

Когда управились, солнце начало садиться. Петр поглядел на тучу и велел запрягать.

Обратно пошли объездом. За поворотом я оглянулся и не увидел последней телеги. Петр замыкал обоз вместе с Моренченко; только что слышались их голоса, а теперь и скрип колес пропал.

Семен остановил передних. Я послал Прохора назад, сам остался с подводами. Нюрка уже слезла и всматривалась в дорогу.

Прохор вернулся верхом.

— Колесо у Петра. Ось треснула, под грузом дальше ехать боится. Саня с ним, надо сено снимать.

Мы выбрали две телеги, на которые еще можно было переложить груз, и я повел их назад. Рыжий с Прохором остались при основном обозе. Моренченко смотрел за дорогой, пока работники перекидывали сено. Я держался с другой стороны, следил за лесом.

Петр осмотрел разгруженную телегу, потянул вперед и назад.

— Порожняя дойдет.

Он повел кобылу под уздцы. Догнали остальные подводы, до станицы добрались вместе. Первые капли дождя застали нас возле дворов.

Саша распахнула сарай. Мы с Семеном перетаскали мое сено под крышу.

Семен отправился проверить свой курень: хотелось узнать, выдержала ли кровля первый настоящий дождь. Мы с женой переоделись и пошли к Кравцовым. Тетка Поля еще утром звала Сашу помочь с молочным, а я обещал зайти с покоса.

Под навесом Олег поджидал нас с двумя полными ведрами молока с вечерней дойки.

— Возьми одно, Андрей. Матушка уже место освободила.

Молоко еще было теплым. Мы донесли его в сени, Саша с Пелагеей Александровной процедили через чистую холстину и разлили по глиняным кринкам. Свежий удой поставили отдельно, отстаиваться, а со вчерашнего жена стала снимать сливки.

Густой желтоватый слой Саша собирала ложкой в горшок. К чаю немного отложила в плошку. Тетка Поля тем временем достала приготовленную на масло сметану, потрогала бок корчаги — прохладная, в самый раз.

— Вот с этим нам и поможете. Олег, пахталку принеси.

Мы сперва поставили у порога ушат с холодной водой, потом брат принес высокую деревянную кадочку с крышкой. Посередине из нее торчала длинная мутовка. Олег вытащил ее — внизу оказался деревянный кружок с просверленными отверстиями.

Пелагея перекидала сметану в пахталку, оставив сверху на ладонь свободного места. Олег накрыл кадочку и принялся бить мутовкой. Под крышкой захлюпало. Палку он поднимал размеренно, наружу кружок не выдергивал, чтобы не расплескать.

— Как устанешь, сменю, — сказал я.

— Я для того тебя и ждал. Матушка с утра велела сбить, да ты все на покосе.

Через некоторое время Олег уступил мне место. Сначала работа показалась пустяковой: поднимай да опускай. Я принялся было стучать бойчее, но тетка Поля обернулась от лавки.

— Андрей, ты ее продырявить хочешь? Ровнее бей, со дна не вышибай.

Олег засмеялся. Я сбавил прыть, а вскоре и в плечах потянуло.

Жена тем временем устроилась возле бабушки. Горшок из печи стоял на подкладке, и Акулина Никитична отодвигала ложкой белый сгусток от стенки. Под ним показалась прозрачная желтоватая сыворотка.

— Не тряси, Сашенька. Пусть еще остынет. Потом на полотно выложим.

Молоко для творога скисло еще до сегодняшнего удоя. Бабушка сняла с него сметану, дала простокваше постоять, а нынче поставила в печь, когда жар уже ушел.

Олег снова сменил меня у маслобойки. Саша взглянула на мои ладони.

— Натер?

— Нет еще. Зато скоро — хрустящий хлеб с маслом, вот этими руками взбитым, да с чайком.

— И медку не забудь добавить, — заметила тетка Поля.

Олег остановился и приподнял крышку. Внутри уже плавали мелкие желтые крупинки.

Пелагея Александровна посмотрела, велела еще немного поработать. Звук стал другим, жидкость легче ходила вокруг мутовки. Когда тетка Поля наконец позволила открыть маслобойку, крупинки уже собирались вместе.

— Вот теперь пахту сольем. Андрей, кадочку держи, Олег, миску подставляй.

Мы осторожно наклонили маслобойку. Светлая жидкость пошла через край, масло Пелагея придерживала деревянной лопаточкой. Потом переложила его в миску с холодной водой. Пахту бабушка отставила для пирогов.

Жена промыла масло, собирая желтые зерна. Потом переложила его в чистую миску и стала выминать деревянной ложкой, прижимая к стенке. Из массы выступали капли, их сливали, снова поворачивали и мяли. Постепенно вместо рыхлых комочков вышел плотный желтый кусок.

Пелагея разрезала хлеб, Саша положила нам по куску масла. Остальное тетка Поля стала делить: что к обедам оставить, что убрать в холодную. Я откусил от своего ломтя, Олег устроился рядом.

— Нам немного отложите, тетка Поля. Я завтра за творогом зайду, тогда и заберу.

— Да сегодня забирай, Андрею с утра барский завтрак сделаешь. Горшочек возьми на полке.

Остывший творог бабушка выложила на приготовленную ткань. Саша собрала края, придержала узел, пока я подставлял посудину. Снизу стекала сыворотка. Мешочек подвесили в прохладном месте в сенях и подставили под него таз.

— К утру будет готов, — сказала Акулина Никитична. — На ночь посудину оставьте, поутру солью.

Масло мы с Сашей унесли домой.

На следующее утро после занятий к Кравцовым приехали Веденеевы. С выселка они добрались вместе с возвращавшейся сменой караула. На подводе лежала снятая с петель дверь: после нападения одна доска в ней была расколота. Мы с Семеном помогли Сергею снять ее и отнести под навес.

Елизавета Андреевна повела Мишу с Лидой в дом, Олег помог Нине сойти с телеги. Она уже понемногу наступала на больную ногу, но брат все равно придерживал ее.

— Дверь в починку привезли, — объяснил Константин Павлович. — Заодно Нину Роману Васильевичу покажем. Сегодня по станице дела сделаем, а к вечеру с разъездом обратно поедем.

— Так вы к себе вернулись? — спросил я.

— Да, решили по-прежнему на выселке жить. Там теперь постоянный караул, а хозяйство и мои садки каждый день присмотра требуют.

Сергей остался возле подводы поправлять упряжь, Константин Павлович пошел в дом. Семен тем временем рассказал, что вчера проверял свой курень посреди ливня.

— Сухо, Андрей. Окна бы еще вставить да пол настелить, уж я бы туда перебрался.

Во дворе Пелагея Александровна с Елизаветой Андреевной накрывали на стол. Нину усадили у открытого окна, под больную ногу поставили скамейку. Олег принес ей подушку и остался рядом.

На столе был и вчерашний творог, уже отцеженный. Олег первым показал мне миску: мол, не зря возились. Саша пришла позже, отделила часть нам и осталась с теткой Полей заниматься по хозяйству. Семен отправился к Фомичу, чтобы заодно узнать насчет двери Веденеевых, мне же перед выездом на пост хотелось заглянуть к Зыбко.

В школе уже рассаживали ребят. Оська с Кирькой затаскивали новую лавку, Татьянка раздавала листочки. С интересом посмотрел, как Иван Викторович написал на доске задачу: есть две комнаты, в них по четыре лавки, и на каждой сидят трое. Сколько всего учеников?

— Двенадцать, — первым ответил Кирька.

— Это только в одной комнате, — поправил Оська. — Вторую-то куда дел?

Кирилл снова принялся считать. Зыбко дал ему закончить, попросил объяснить ответ и задал следующую задачу. Я задержался возле двери, пока он не подошел сам.

— Начали все-таки, — сказал я.

— С теми, кого сегодня отпустили. Зимой опять нагоним, а сейчас пусть хоть понемногу занимаются.

Через окно были видны нижние венцы его будущего дома. Иван Викторович тоже посмотрел туда.

— Утром положили. Теперь уже верится, что зимовать под своей крышей буду.

— Иван Викторович, сложением можно? — донеслось с лавки.

— Можно, Кирилл. Распиши, потом сравним.

Учитель вернулся к ребятам. Я притворил дверь и пошел к правлению.

Албазов ждал у коней. По дороге он показал готовый проход между дворами. Створки с обеих сторон запирались изнутри, теперь к соседям можно было попасть, не выбегая на улицу. Остальные проходы еще предстояло делать.

К посту, где планировалась башня под пулемет, мы с Албазовым подъехали к вечеру. Семен уже был там, приехал со сменой. Работы оставалось еще на несколько дней. За невысокой замкнутой оградой уже устроили нижние укрытия, а на башне подняли только первую площадку. Выше торчали стойки; подготовленные бревна лежали рядом. Ни верхнего перекрытия, ни места для пулеметного расчета еще не было.

Фомич встретил нас возле входа.

— Дождь вчера подвоз задержал. Что привезли, пустили вниз. Наверху сегодня только настил закрепили, к самому краю не подходи.

Я поднялся по лестнице с нашим рисунком. Отсюда открывалась дорога, часть реки и несколько просветов между деревьями. Но всадник за поворотом пропадал, а лесной склон с площадки просматривался плохо. Пришлось спуститься и пройти вдоль ограды, сверяя, что видно снизу.

Албазов посмотрел мои отметки.

— Днем наверху можно одного выставлять. Если двух сюда поставить, еще внизу караул, секреты, смена — десятка не хватит. Снизу за лесом смотреть будут, верхнему дорогу и реку оставим. При тревоге добавим.

Я поправил рисунок. Палыч отправил Никиту проверить подход с леса, сам расставил караул. До темноты попробовали передачу тревоги, условились, кто какое место займет.

Кравцов оставил нас с Рыжим на первую ночь в карауле. Мы завели коней внутрь ограды, устроились под крышей нижнего укрытия. Спать предстояло по очереди, я лег первым.

Разбудил меня Яков.

— Андрей, смена! На реку глянь, опять там ходят.

Я взял винтовку и поднялся на площадку. За Уссури горели факелы. Несколько двигались возле воды, другие мелькали выше и пропадали за деревьями.

— Лодку, что ли, ждут? — спросил он.

Я смотрел вдоль берега, стараясь заметить нос лодки, когда с нашего склона донесся условленный оклик.

Почти сразу ударил выстрел.

Внизу Албазов уже поднимал спавших.

— По местам! Прохор, вход держи!

Я сбежал по лестнице к ограде. Никита выскочил из темноты, пригнулся и добрался до створки. Прохор впустил его, а снаружи снова выстрелили.

— От кустов идут, — крикнул Трофимов. — Двух близко видел, с винтовками. Дальше еще кто-то был.

Я присел у своего проема. Выше по склону между кронами оставался светлый клочок неба. По нему скользнула тень и исчезла за стволом. Справа выстрелили, вспышка на мгновение высветила кусты. Я ударил в ответ и дослал патрон.

Семен у соседнего проема дважды выстрелил из винчестера. С другой стороны уже стрелял Моренченко. Снаружи кто-то перебежал совсем близко, затрещали ветки, но в просвете больше никто не показался.

— За ограду не выходить! — приказал Палыч. — Яков, за рекой смотри!

Я держал винтовку наготове. В ушах еще звенело, а рядом Никита все никак не мог отдышаться. Семен подал ему воды. Трофимов отпил и присел спиной к бревнам.

— Сначала один мимо меня пошел. Вроде на вход. А второй за ним держался, с другой стороны куста. Я окликнул, он сразу стрелять.

Я еще немного просидел, всматриваясь в тот самый просвет. Больше не полезли. Несколько раз шевельнулись ветки, потом со склона донесся хруст, уже дальше.

Яков сообщил, что за рекой по-прежнему ходят с факелами. Связано ли это с нападением, мы так и не поняли. Палыч оставил поднятых по тревоге возле ограды. До утра я еще дважды поднимался на площадку, но больше ничего не происходило.

На рассвете осмотрели склон. Между кустами нашлась лежка, откуда стреляли, дальше следы расходились. В лесу они терялись, следов крови не увидели.

Никита показал Албазову свой вчерашний секрет. Сидеть там оказалось неудобно: ближайший куст скрывал подходившего почти до самого конца. Палыч выбрал другое место. А возле ограды пришлось убрать часть сложенных заготовок — за ними легко было спрятаться снаружи. Фомич, приехав с работниками, сперва выругался на тех, кто их там оставил, потом велел перетащить заготовки внутрь.

Мы с Рыжим отправились в станицу. У учебной площадки уже слышались команды Меренского.

Крестный выслушал нас у правления, затем велел передать в округ о новом нападении и подозвал Парамона со списком назначенных на работы.

— Вернувшихся с ночи на подвоз не ставить. Пусть выспятся. Громов, Бирюков, у вас время на отдых до обеда.

После отдыха мы с Семеном поехали в гасян с очередной сменой. Юдинцев передал для Сулы корпию. Сверток я отдал Найге, когда тот вышел к прибывшим.

Минюхин принимал людей, а мы направились к Ильке. Побратим встретил нас во дворе. Обнялись, расспросили друг друга о домашних. Анинэ вынесла нам воды, а Илька, узнав о ночной стрельбе, позвал пройти к реке.

Пока шли, я коротко рассказал про нападение на пост.

— Мы теперь тоже смотрим, — сказал побратим. — Пойдем, покажу.

Выше спуска, за последними домами, сидел Отон с винтовкой. С берега его прикрывали кусты, а сам он видел реку до поворота. Мы присели рядом. Семен посмотрел поверх травы, потом придвинулся ближе к обрыву.

— Под самым берегом лодка пройдет, отсюда не увидишь.

— Ниже Киле сидит. Ему как раз вдоль берега видно, — ответил Илька. — Мы с ними и Найгой меняемся. Кто на рыбу идет, кто здесь остается. С Минюхиным сговорились: о чужих лодках сразу его караульному говорим. А если к берегу полезут с оружием, выстрелом поднимем всех.

Киле мы нашли ниже по течению. Он устроился за толстым деревом, откуда просматривались и спуск, и полоса мелководья под обрывом. В прошлый раз хунхузы именно там укрылись от наших выстрелов.

Илька показал тропку между дворами.

— Тут теперь проход расчистили. От караула к спуску можно быстро выйти, через весь гасян бежать не надо. Минюхин вчера своих провел, посмотрели вместе.

Семен прошел несколько шагов по тропе, отодвинул мешавшую ветку.

— Вот эту срубите. В темноте винтовкой зацепишься.

Киле поднялся нам навстречу и вдруг спросил, слышали ли мы про Анду.

— Приходил? — оживился Рыжий.

— Вчера у ручья видел. Не подходит близко. Но зверь хороший, сытый.

— К гасяну не выходит, — добавил Илька. — Да после клетки вряд ли теперь к нам придет.

Обратно мы прошли мимо пустого садка.

— Оставить решили, — сказал Илька. — Бандитов, если что, в нем держать будем.

У дома нас дожидалась Анинэ. Успели попить чаю, поговорить про хозяйство.

К Пассе в этот раз не пошли, Илька сказал, что он с духами общается.

Когда вернулись к коням, прежний караул собирался в дорогу. Мы попрощались с молодыми и отправились в станицу.

Вечером Саша сидела у окна и размечала очередной эскиз. Рядом лежали выкроенные куски, на краю стола стояла миска с луком и огурцами к ужину. Я вымыл руки и потянулся к самому крупному.

— Эти три огурца не трогай, — предупредила жена. — Тетке Поле обещала, завтра Татьянка заберет. Остальные наши.

Я выбрал другой, сел рядом и стянул сапоги. Саша отложила ножницы, взяла мою руку.

— Подожди, опять шевелится.

Она прижала мою ладонь к животу. Сперва я чувствовал только тепло, потом изнутри легонько толкнулось. Я замер. Через несколько мгновений толкнулось еще раз, уже сильнее.

— Ничего себе, — вырвалось у меня. — И часто так?

Саша улыбнулась.

— Каждый день. Иногда только улягусь, тут и начинаются пляски.

Я оставил руку у нее на животе. Жена рассказывала, что они с Пелагеей выбрали ткань на пеленки, на рубашечки тоже хватит. Я слушал, а сам ждал еще хотя бы один толчок.

— Андрей, ты меня слышишь?

— Да, Саш, тихо, он сейчас опять толкнется.

— Дыши хоть. А то замер весь.

Я засмеялся и обнял ее. Посидели так, пока Амур не втиснулся между нами. Жена отвела его морду от живота, потрепала за ухом.

— И ты тоже тут. Сейчас хозяин накормит, дай нам посидеть.

За ужином мы с Сашей условились: поутру, после учебы, займусь дровами.

А двадцать пятого июля, едва закончились занятия, нас с Семеном вызвали в правление. У Кравцова сидел Дорохин, только что вернувшийся с дневного наблюдения за рекой.

— С лодочниками сегодня говорил, — докладывал Дорохин. — Видели, как на том берегу две лодки пристали. Люди вышли с винтовками, пошли к лесу. Потом еще выше третью заметили, только кто из нее вышел, за кустами не разглядели.

Еще одно сообщение передали с заготовительных работ возле Покровского. Работники встретили на дороге вооруженных людей и повернули обратно. Палыч придвинул к себе карту, отметил оба места.

— Похоже, стягиваются. Только куда ударят, не угадаешь.

Парамон прочел ответ китайской стороны, пришедший через комиссарство. Усиления пограничных караулов не обещали: войска были заняты столкновениями с шайками и охраняли дороги в другом районе.

Из Васильевского сообщили, что пропавших по дворам проверили. Разъезд дошел по следам до места посадки в лодки, дальше искать приходилось уже за рекой. К запросу приложили приметы уведенных. Ни о возвращении людей, ни об их дальнейшем пути пока ничего не узнали.

— Пока переписываемся, они их дальше угонят, — сказал Семен.

Крестный велел передать последние наблюдения.

— Фомичу работы на посту продолжать, — распорядился Кравцов. — Денис Павлович, проходы между дворами по-прежнему за тобой. Подумай, как можно ускорить работы. Андрей, следующие два дня после занятий выйдешь со сменами к башне.

Мы еще оставались у стола, когда вошел Берестов с отдельной депешей.

— Из войскового управления, Степан Анисимович. Только приняли.

Кравцов развернул лист и прочел.

— Да твою ж мать… Этого мне еще не хватало! Людей и так с гулькин хрен.

Он протянул мне депешу.

— На, Андрей, читай.

Я взял лист.

В депеше были названы Андрей Громов, Семен Бирюков и Илларион Морозов. Всем троим предписывалось безотлагательно отправиться в урочище Новокиевское и по прибытии явиться к пограничному комиссару за дальнейшими распоряжениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.